

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗЛЕ

Джордж Кэйтеб

Должен отметить, что мое желание сказать несколько слов о политическом зле навеяно изучением книг Ханы Арендт. Она писала о политическом зле с какой-то внутренней силой, и делала это именно потому, что тоталитаризм является наихудшей формой зла. Две ее книги — «О происхождении тоталитаризма» (1951) и «Эйхман в Иерусалиме» (1963) — повлияли на меня в большей степени. И я бы хотел сделать все возможное для того, чтобы как можно глубже изучить и понять феномен зла. Кроме того, следует сказать, что в этом разделе я уделяю особое внимание индивидуализму, так как, по моему убеждению, поддержка и развитие индивидуализма создает мощный барьер для возникновения и проявления политического зла.

Люди очень часто чувствуют внутренний дискомфорт от слова «зло». Арендт ощущала то же самое, поэтому она стала использовать понятие «повседневное зло», тем самым хотела лишить всех тех, кто совершает зло, великолепия и величия. Многие думают, что употребление слова «зло» по любому поводу является преувеличением и что это несправедливо демонизирует события и людей. Однако использование этого понятия правомерно, но лишь только тогда, когда его употребление основывается на достаточных фактах. Это слово содержит в себе и осуждение, и проклятие. Многие политические системы, условия жизни, средства ведения политики заслуживают того, чтобы быть осужденными и проклятыми. И если их не осуждать и не считать злом и несправедливостью, тогда в этом мире нет зла и несправедливости вообще. Зло само по себе является наихудшей формой несправедливости.

Под политическим злом здесь будет пониматься любое преднамеренное причинение вреда (поддержка или сознательное допущение таких действий), которое становится причиной страданий, смерти одного человека, нескольких или многих. Только в том случае, если причинение вреда, страданий или смерти становится результатом сопротивления со стороны жертв и их союзников тем, кто убивает и лишает свободы, такие действия не будут рассматриваться как зло. Только подобного рода агрессия может рассматриваться как «незло», остальные же виды действий, даже если они

легальны и законны, как например смертная казнь, являются злом, так как ничего общего не имеют с самообороной и самозащитой.

Если же самозащита против атаки не является злом, даже если в результате приводит к смерти, то какова же моральная оценка такому действию? Является ли морально оправданным благоразумное предпочтение себя в условиях постоянной борьбы за выживание всех против всех?

Дать полный и однозначный ответ на эти вопросы очень трудно. Учения Сократа и Христа против предпочтения себя препятствуют любым попыткам принять или допустить самую возможность преднамеренного причинения вреда при самообороне и однозначно оценивают такие действия как зло. Принять эти учения означает назвать самозащиту злом, но необходимым, а следовательно, морально оправданным злом. Однако, с индивидуалистической точки зрения, будет лучше, если самозащита будет обозначена не как необходимое или справедливое зло, а как легитимное приостановление морали.

В любом случае историческая норма такова, что зло совершается ради достижения целей и защиты достижений, что не имеет ничего общего с самозащитой, с освобождением людей из неволи и предотвращением ухудшения условий жизни.

Таким образом, предметом исследования есть зло, которое является не чем иным, как преднамеренным причинением вреда простыми людьми или правительством. Преднамеренным злом также являются запланированные и ожидаемые страдания, гибель и смерть, даже если об этом сожалеют и оправдывают их с точки зрения (государственной. — *Прим. перев.*) необходимости. Безусловно, человеческая активность может привести к непредвиденным и, следовательно, непреднамеренным страданиям или смерти, однако этот вопрос не является предметом обсуждения.

Основным интересом тех, кто изучает политические процессы, является политическое зло, то зло, которое творят, сознательно поддерживают и разрешают правительства (или политические движения), а не то зло, которое совершают индивиды как простые человеческие существа. Необходимо провести различие между политическим злом и

двумя другими политическими феноменами: угнетением и несправедливостью. Политическое зло включает в себя почти все войны, специфические политические действия во время ведения войн, рабство, преднамеренное допущение обеднения, пренебрежение страданиями, осознанное допущение моральной и умственной деградации, пытки, законное убийство, высшую меру наказания, массовые убийства и геноцид. Выражаясь языком Права, который, думается, более подходит для употребления, когда речь идет об отношениях, складывающихся между политической сферой и людьми, злом является уничтожение индивидуальности и, следовательно, лишение всех личных и политических прав одного, нескольких или многих людей. В противоположность политическому злу, категория *угнетение*, хотя определить четкие границы между всеми этими явлениями очень трудно, включает в себя такие формы как тирания, деспотия, диктатура, нетерпимость и систематическая дискриминация. Угнетение — это отторжение значительной части личных или политических прав. Однако некоторыми правами люди все же обладают, даже если эти права ненадежны и не признаются как права, например: право на жизнь, право вести семейную жизнь, право на работу и личную жизнь. Политическая *несправедливость* — это отторжение отдельной группы личных или политических прав, скажем, лишение права голоса или возможности публиковаться без цензуры.

Можно привести множество примеров того, когда современные конституционные демократии у себя дома зачастую допускают политическую несправедливость, которая выражается в отдельных действиях или в социальной политике, тогда как за границей они могут содействовать или совершать не только действия, входящие в категорию политической несправедливости, но и политическое зло.

Однако политическое зло отличается от вышеупомянутых категорий еще и тем, что оно имеет огромные масштабы.

Если подходить к анализу всех этих трех категорий и приводить исторические примеры, то можно сказать следующее: то, что делали Гитлер, Сталин и Пол Пот, было не чем иным, как политическим злом. Безграмотность в Индии, апартеид в Центральной и Южной Африке, тяжелое положение крестьян в Центральной и Южной Америке могут быть отнесены к угнетению. Условия жизни Британских колонистов в Америке перед революцией, которые основывались на принципах сохранения жизни, виновности и невиновности, можно назвать несправедливостью.

С уверенностью можно сказать, что только политическое зло оправдывает насильственное противостояние. «Угнетение» может оправдывать и не оправдывать его. В свою очередь, «несправедливость» не делает этого вовсе. Насильственное сопротивление при «несправедливости» может вызывать нашу симпатию, но может быть также осуждено как зло.

Почему правительства и политические движения допускают, поддерживают или сами участвуют в творении политического зла в огромных масштабах? Занимаясь политической теорией, я попытался найти ответ на этот вопрос в классических текстах по политической теории Платона, Маркса и Ницше, но, как оказалось, эти тексты мало помогли мне в выяснении того, что есть политическое зло. Кроме того, некоторые из этих текстов содержат в себе оправдание политическому злу, страданию и смерти. Так, к примеру, Платон делает войну необходимым условием для общественного порядка — она, по его мнению, повышает уровень организованности и дисциплины.

Исходя из этого, можно сказать, что, во-первых, канонические тексты по политической теории не затрагивают аспектов, связанных с политическим злом, творимым властью. Они допускают, что власть или правительство могут угнетать и быть несправедливыми, но не творить зла. Более того, многие политические теоретики считают, что правительство является лучшим средством от равнозначного зла или меньшего зла: против нарушения закона, реальных или потенциальных преступлений, совершаемых индивидами (группами или кликами) в отношении друг друга. Очень часто такие теоретики не отличают большего зла от меньшего. Авторы некоторых политических текстов склонны принимать сторону порядка, а не мира, и называют это справедливостью. Существование политического зла они объясняют несовершенством человеческой натуры, инстинктами и желанием постоянного насыщения, слабостью, испорченностью и развращенностью человеческого сердца. Любое преднамеренное зло объясняется человеческой природой.

Во-вторых, как уже говорилось выше, некоторые из политических теоретиков занимают сторону зла. Это проявляется в том, что они без тени сомнения принимают идею о превосходстве группы над индивидом либо активно ее защищают. Тех индивидов, которые функционируют вне группы, они рассматривают как чужих.

По моему собственному убеждению, большинство случаев проявления политического зла так или иначе связаны с верой в превосходство группы и групповую идентификацию. В данном

случае под группой понимается вооруженная национальная группа, а также вооруженная революционная группа или вооруженная правящая группа, которая уничтожает или подчиняет другие группы внутри общества.

Таким образом, в классической политической теории основными постулатами являются следующие: человек — это ненасытное животное, и люди, по крайней мере, должны как-то сдерживаться, дабы не произошло взаимного уничтожения. Поэтому перед политической теорией должна стоять задача показать необходимость разоружения индивидов и групп и сделать их цивилизованными, а также объединить их против внешнего мира и заставить людей подобающе вести себя дома.

Безусловно, нет ничего плохого в сдерживании и воспитании граждан в подобающих социальных условиях. Однако проблема в том, что наравне с процессом улучшения людей и сдерживания их от зла в повседневной жизни может происходить процесс включения индивидов в широкомасштабное политическое зло. Уменьшение повседневного зла, которое выражается в насилии, преступлениях и других нарушениях закона, может в то же самое время способствовать развитию и усилению политического зла. Установление и поддержание общественного порядка является одним из тех факторов, который способствует созданию условий для политических преступлений в более широких масштабах. Решение проблем, связанных с преступлениями и нарушениями закона в обществе, дает правительству широкие полномочия, в том числе и возможность оправдать политическое зло, массовое насилие и репрессии.

Политическое общество является двигателем зла, а не только угнетения и несправедливости. Правительства всех типов, так же как и военизированные организации, творят или допускают зло как политическое дело и включают его в сферу политики. Они творят зло как в отношении своего собственного населения, так и в отношении других обществ. И так как зло является политикой, то не имеет смысла говорить о том, что основными причинами существования зла являются человеческие инстинкты и жажда насыщения, — необходимо искать другие объяснения его существованию.

Политика, по своей сути, не является инстинктом или желанием. В значительной степени она безлична. Политика — разработанная конструкция, она искусственно создана. Поэтому и желание творить или поддерживать зло является абстрактным, лежащим вне сферы чувств. Политическое зло — это результат человеческих впечатлений и переживаний, сформированных под воздействием

доминирующих (в обществе. — Прим. перев.) убеждений, а не природное состояние человека. Что бы ни говорили представители политических теорий, не существует прямого пути, который бы соединял зло, присущее человеку, с политическим злом, индивидуальное преступление — с преступлениями государственного уровня. Даже если кто-то по природе своей агрессивен и склонен к правонарушениям, этот факт совершенно не объясняет существования политического зла. Политические обязательства и обстоятельства трансформируют человека, делая его способным к совершению более ужасных поступков (люди от политики, как правило, действуют методически и осознанно, вплоть до самопожертвования), чем в случаях с проявлением простой зловредности. С другой стороны, даже те люди, которые ведут невинный и спокойный образ жизни, могут превратиться в искренних сторонников и представителей политического зла. Поэтому и те философы, политологи, которые приписывают человечеству внутреннюю невинность и доброту, продвигаются по пути познания политического зла еще меньше, чем те, кто утверждает обратное. Если хотите, можно сказать, что политическое зло берет свое начало в психологии Адама и Евы еще задолго до их падения. Если же предположить, что человеческие переживания и впечатления, о которых шла речь выше, универсальны и не поддаются сдерживанию и контролю (а если и поддаются, то при помощи огромных усилий и энергии, и то не всегда с успешным результатом), то тогда политическое зло должно проявляться так часто, как это только возможно, по причине врожденного зла.

Как бы то ни было, можно утверждать, что человеческие переживания и впечатления возникают не в результате внутренней предрасположенности и аморальности, но в результате предрасположенности к крайностям, с одной стороны, а с другой стороны становятся результатом вполне нормального состояния человека.

Крайность сама по себе ужасающа, но и нормальность ужасает не меньше, несмотря на то, чем она есть.

Если даже мы начнем с посылки о том, что власть имеет свойство развращать, то едва ли мы получим адекватное объяснение тому, почему политические представители и политические силы допускают зло в своих действиях. Может показаться, что фраза лорда Актона (любая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. — Прим. перев.) дает объяснение жестокости, высокомерию или гордыни от обладания властью. Безусловно, такие высказывания не должны игно-

рироваться, однако изучение зла как политики требует других источников для объяснения. Рассматривая данный аспект политической теории, видится благоразумным, следуя лорду Актону, обратить внимание на существенное различие тех ролей, которыми обладают лидеры и простые обыватели в политике, даже если они разделяют решительные меры. Однако речь не идет о том, чтобы возложить всю вину на лидеров или утверждать, что лидеры гораздо более радикальны в своих действиях и хуже простых людей, хотя различие в занимаемых позициях, а следовательно и в возможностях действовать, играет большую роль. Когда мы изучаем любое проявление политического зла, масштабного зла, необходимо задать три вопроса; первый: каковы были переживания и цели лидеров, которые их вдохновили и воодушевили для зла? Второй вопрос: каковы были переживания и чувства обывателей, которые были вынуждены сносить это зло? В этом контексте могут рассматриваться те чувства и переживания, которые классифицировались лидером как поддержка для того, чтобы творить зло. И третий вопрос: каковы были чувства и переживания тех людей, которые считали, что нет надобности подчиняться такой политике и поддерживать ее, однако подчинялись и поддерживали ее? Эти три вопроса взаимодополняют друг друга, и в процессе дискуссии обсуждение одного из них так или иначе будет затрагивать другой.

Прежде чем начать описание политического зла, необходимо проанализировать и понять, что есть восприятие или переживание власти и могущества, так как эти факторы являются тем, что инициирует зло. Обобщая, можно сказать, что те, кто стоит у власти или находится возле нее, будь то правительство или политические движения, особенно склонны к фантастическим проектам и мышлению на мировом, глобальном уровне. Они заражены грандиозностью. Кроме того, они склонны к особым видам абстракции. Власть имущие не воспринимают человеческие существа как отдельных индивидов. Они склонны превращать своих собственных граждан в ингредиенты, источник силы или инструменты либо же включают их в различные социальные категории или видят в них всех одну большую массу, находящуюся в полном распоряжении политических лидеров. Соответственно, в других обществах или в отдельных группах своего общества они склонны видеть врагов.

Всех тех, кто так или иначе причастен к политическому злу, можно подразделить на две группы. К первой группе можно отнести тех, кто разрабатывает политику, вдохновляет, отдает прика-

зы. Зачастую они видят только некоторые детали и аспекты собственной политики. На самом деле они видят очень мало. Следовательно, то зло, которое они инициируют, в большинстве своем остается для них невидимым (до тех пор, пока страдание и разрушения не начинают воздействовать на них самих). Однако нет никаких оснований утверждать, что лидеры, проводящие деструктивную политику, остановятся, если увидят результаты, к которым она привела. Зачастую лидеры имеют не только абстрактное представление о политике, но и абстрактное представление о том, как ее реализовать.

Ко второй группе относятся те люди, которые непосредственно включены в процесс реализации этой политики, кто поддерживает ее, ведь именно они видят результаты своих действий. Однако ни первые, ни вторые до конца не представляют себе всей картины политики зла. Мозаичное представление о политике дает право утверждать, что внутренняя испорченность человека не играет большой роли в зарождении политического зла, а вот абстрактное представление о политике создает все условия для него.

Кроме того, важно понять, что разработка и внедрение абстрактных политических планов напрямую связаны со склонностью политических лидеров персонифицировать собственное общество и государство, с тем, чтобы, сделав его единым, приписать ему те внутренние моральные качества и свойства, которые соответствуют их собственным. Лидеры просто превращают индивидов в полезное или бесполезное количество, тогда как вымыслы и абстракции они превращают в реальных людей. Представляя общество и государство как индивида, они считают его гораздо более важным и достойным, чем какого-либо реального индивида. Абстракция — это не просто человек, а суперчеловек. Любую деятельность, любые возможные ошибки, которые совершают простые люди в достижении своих собственных интересов, государство отвергает, но наделяет себя правом делать все это ради защиты интересов всеобщности индивидов. Государство убивает, калечит, принуждает, обманывает и, делая это, «обеспечивает» условия для рабского существования населения. Такого рода персонификация дает неограниченные возможности для тех, кто стоит у власти.

[...]

С уверенностью можно сказать, что своеобразное восприятие власти создает условия для претворения в жизнь «поверхностной и негуманной» политики, или, выражаясь словами, взятыми из Торы, «Жизни без Принципов». Это восприятие является предпосылкой для зла, но как бы то

ни было, составляет лишь малую его часть, потому что лидеры бессильны без большого числа последователей и простых людей, поддерживающих их.

Бытовое восприятие и представление о власти является другой причиной возникновения зла, так как непонимание происходящего со стороны основной массы людей ободряет и поддерживает политических лидеров для свершения зла в огромных масштабах. Существует внутренняя, но стабильная связь между злом в политике и верой в групповую идентификацию. Групповая идентификация, в отличие от политических абстракций, представляет собой нечто видимое и осязаемое. Убежденность и вера в групповое единство и идентификацию в равной степени разделяются как лидерами, так и простыми обывателями. Можно предположить, что простые люди поддаются влиянию политической абстракции, персонификации общества и наделяют правительство неограниченными правами и властью. Они могут неистово радоваться фантастическим проектам, которые реализуются правительством. Совпадение в восприятии действительности простых людей и политических лидеров, а также удаление первых от власти еще в большей степени отстраняет их от той реальности, которая существует на самом деле. Однако везде и всюду простые люди делают гораздо больше, чем просто идентифицируют себя с группой, — они принимают принадлежность к ней неистово и искренне и ставят группу выше себя. Поэтому наиболее существенной причиной появления политического зла является даже не абстрактность мышления тех, кто у власти, а стирание индивидуальности как лидеров, так и простых людей, и полное отождествление себя с группой, поклонение и самопожертвование ее интересам. Возникает своеобразное чувство экстаза, когда человек готов сказать «Мы», а не «Я». Человек чувствует себя большим, но вместе с тем в значительной степени ограниченным, когда идентифицирует себя с группой. Он убежден в том, что сам по себе он ничего не стоит, но его значимость и важность создается группой и выражается в том, что делает группа, и в том, что он делает совместно с группой.

Групповая идентификация имеет иное значение, чем идеальное демократическое представление об индивидуальном единстве с другими, которое необходимо для того, чтобы понять других людей и функционировать вместе с ними. В случае групповой идентификации разница между отдельным человеком и группой отсутствует и подчинена не целям взаимопонимания и доверия, а вообразимой реальности и тому, что она требу-

ет. Незнакомые друг другу люди, собранные и объединенные вместе, обманывают себя, думая, будто они так во всем похожи, что нет необходимости прилагать усилий для того, чтобы узнать друг друга лучше. Более того, в аутсайдерах (те, кто находится вне группы. — Прим. перев.) группа видит не только чужих, но и врагов, представляющих прямую угрозу всей группе. Когда групповая идентификация очень сильна, то члены группы ощущают себя сплошной и твердой массой, но не обществом, которое функционирует на основе контракта.

Невозможно представить человеческую жизнь без определенной групповой идентификации, но также трудно себе представить относительно порядочную жизнь до тех пор, пока групповая идентификация парализует функционирование доктрины индивидуальных прав. Здесь не идет речи о том, что каждый должен жить только сам для себя, но люди также не должны сходить с ума от идеи социального единства, в которой нет места для отдельного человека.

Таким образом, было представлено два явления, которые приготавливают почву для возникновения политического зла в большом масштабе. Во-первых, это абстрактное качество проводимой политики со стороны лидеров, во-вторых, это глубокая вера в групповую идентификацию, которая разделяется как политическими лидерами, так и простыми людьми. Однако именно групповая идентификация является краеугольным камнем, на котором возводится здание политического зла.

Без этих универсальных явлений, особого восприятия действительности, в обществе будут существовать условия только для угнетения и несправедливости. Если групповое единство очевидно, индивиды теряют целостное представление не только о себе, но и о действительности вообще. Таким образом, простые люди соединяются для уничтожения других, таких же простых людей. Все это в сумме и составляет политическое зло.

Теперь необходимо ответить на вопрос, существует ли какая-нибудь формулировка, которая бы могла охарактеризовать или выявить сущность тех целей, которые ставят перед собой лидеры, инициирующие политическое зло. Прежде всего, необходимо отметить, что практически никогда те, кто участвует в политическом зле, не скажут, что зло является их целью, что зло — это добро для них. Также трудно заставить таких людей сказать, что они случайно причастны к политическому злу или же допустили какие-то ошибки в процессе достижения своих целей. Политической реализации зла именно как политического зла не

существует. Возможно, отдельные индивиды, действующие официально или в повседневной жизни, осознают и реализуют зло как зло. О таких людях можно сказать, что они садисты или же действуют под влиянием психологических факторов и стремятся к внутренней компенсации своих недостатков, либо действуют так по причине непонятной злобы и зависти, либо же по причине нездорового тщеславия. Однако политическое зло в больших масштабах вряд ли может быть объяснено этими причинами.

Основная причина проявления зла в том, что чувства и страсти, лежащие за реализуемыми целями, абстрактны, и они не похожи на повседневные страсти, даже на те из них, которые выражаются наиболее сильно. Лидеры прежде всего иницируют создание предметов, которые затем формируют определенные чувства и страсти. Политическое зло — это масштабное преувеличение обыкновенной политики, однако это не результат преувеличения повседневного зла. [...] Например, война состоит из своеобразного движения ненависти — насилия, направленного на разрушение, пусть даже частичное, другого общества. Однако причина войны лежит не в той ненависти, которую люди испытывают повседневно, но в абстрактной ненависти, которая возникает в ответ на такую же абстракцию, что в конечном итоге приводит к деперсонализации всех чувств, страсти, злобы и гнева. (Гораздо легче возбудить ненависть к абстрактному сообществу незнакомых людей, чем к отдельному человеку — прим. перев.). Иногда даже нет необходимости в чувстве ненависти для того, чтобы развязать войну. Дух соревнования и ощущения игры — играть с тем, чтобы выиграть — могут быть достаточной причиной для начала войны. [...]

Люди, которые формируют в себе абстрактные чувства, имеют ограниченные представления о жизни, жизнь сама ведет их. Они также чувствуют необходимость постоянно формировать в себе только определенные чувства. Не всегда люди делают это самостоятельно. Сильная групповая идентификация и единое переживание реальности позволяют лидерам навязать группе чувства и действия, которые затем приводят к масштабным убийствам. Лидеры постоянно изобретают своеобразную реальность для социальных групп, которая замещает им настоящую реальность, они навязывают им логику видения мира и определенные формы его восприятия. [...]

Важным аспектом в рассмотрении политического зла является понимание того факта, что политическое зло не есть продолжение повседневного зла. В силу этого моральная сфера политики имеет

более низкий уровень, чем в других сферах. Это определяет и специфику политических целей и абстрактных проектов, которые приводят к политическому злу. Можно привести несколько примеров того, как политические цели несут с собой политическое зло. 1) Правительства и вооруженные группировки делают зло, борясь с ним. (Этот случай не имеет ничего общего с тем, когда зло становится результатом противодействия ему, т. е. самозащиты.) 2) Правительства и группировки творят зло для того, чтобы сохранить определенные моральные принципы. 3) Правительства творят зло, борясь с тем, что они сами называют злом, в чем они видят не просто моральное зло, а нечто худшее, чем моральное зло. 4) Зло становится результатом попыток сохранить определенные блага, которые провозглашаются более важным, чем моральные принципы.

Таким образом, масштабное политическое зло возникает тогда, когда правительства или политические группы верят и убеждают остальных людей верить в то, что зло само по себе хуже, чем моральное зло, что общее благо более важно, чем мораль, и, соответственно, действовать без рационального анализа этой веры. Когда мораль теряет главенствующую роль в определении политических действий, возникают предпосылки для зла.

Здесь встает важный вопрос: может ли зло возникать на основе моральных установок, или же процесс изменения моральных принципов может привести к обесцениванию морали? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять роль идеологии в данном процессе. Почти в каждом случае, когда речь заходит о масштабном политическом зле, можно отчетливо увидеть, что оно зарождается тогда, когда абстрактное мышление власть имущих трансформируется под воздействием идеологии, которая также оказывает влияние на усиление групповой идентификации и привязывает группу к определенным политическим целям. Воспламененная таким образом группа стремится к достижению своих целей без всяких моральных ограничений.

Идеология по-особому воздействует как на индивидов, так и на лидеров, лишая индивидуальности и человечности. Энергия, которой обладает политическое зло, высвобождается только при помощи идеологии. В свою очередь идеология существует в двух основных формах: в дешевых идеях и упрощенном видении действительности.

Кроме того, любая идеология дуалистична (разделяет мир на черное и белое, общество — на «своих» и «чужих». — Прим. перев.). Социальные группы склонны восхвалять самих себя и испыты-

вать недоверие, а порой и ненависть к другим группам. Идеология усиливает эти чувства. Идеология создает условия для формирования определенного чувства восприятия действительности, в том числе и политической. Человек — это идеологическое животное, и он становится моральным только тогда, когда противостоит идеологии.

Теперь проанализируем каждую из четырех целей политического зла, о которых говорилось выше.

Цель первая. Северные Штаты в Гражданской войне или союзники во Второй мировой войне творили зло, борясь против большего зла. С уверенностью можно сказать, что любая война, каковы бы ни были ее причины, всегда рождает зло. Зло остается злом, даже если одна из сторон делает усилия, чтобы противостоять злу. Если хорошая сторона в конфликте приносит страдание и смерть, лежащую за рамками самообороны, она творит зло. Иногда лучшая из сторон может принести больше зла, чем та, против которой она борется. Действия Северных Штатов в Гражданской войне и союзников во Второй мировой войне не были развращены идеологией, но как только они стали реагировать на зло, как только они встали на защиту прав человека, они стерли всякие границы, и их действия стали категоричными.

Цель вторя. Революционные правительства или движения творят зло во имя создания нового общества и общего морального блага, а не только ради разрушения старого порядка. В данном случае налицо двойственность цели, деструкция должна предшествовать реконструкции. Сталин, Мао, Пол Пот воплощают в себе то самое плохое, что было в XX веке.

Цель третья. Завоевание Америки европейцами, порабощение черной Африки, нацизм, невероятные примеры зла, которое творит или допускает правительство во имя устранения определенных

идеологических аномалий, которые, по его мнению, являются худшими, чем моральное зло. В этом случае действия направлены на очищение мира от всего того, что кажется нечистым и порочным.

Цель четвертая. Правительства допускают зло ради попыток сохранить определенные блага, которые провозглашаются более важным, чем моральные принципы. Примерами могут служить крестовые походы, так называемая цивилизаторская миссия европейского империализма, священные войны, внедрение новой культуры посредством эксплуатации других, многочисленные проекты Запада, цель которых — завоевание новых миров, и др.

Говоря о тех целях, которые становятся результатом абстрактных проектов политического зла, следует еще раз подчеркнуть тот факт, что особую роль во всем этом играет идеология, которая вдохновляет политических лидеров и отдельные социальные группы на аморальные действия, оправдывая их социальной и политической необходимостью. [...]

Не менее важным при рассмотрении проблемы политического зла остается вопрос, как мы должны поступать в отношении тех, кто творит политическое зло? Однозначно можно сказать, что нельзя судить этих людей, опираясь на христианские принципы и мораль. Тех, кто причастен к политическому злу, нельзя назвать грешниками, они хуже, чем грешники. Поэтому каждый человек должен выработать свою собственную оценку и суждение в отношении политического зла.

Перевод с английского Павла Усова

George Kateb. The Inner Ocean.

Individualism and Democratic Culture. N. Y., 1992. — 443 p. (pages 199–221).